

**Учреждение образования
«Вилейский государственный колледж»**

**Память о войне со слов свидетеля
Великой Отечественной войны
Рынкевич Марии Семёновны**

Вилейка 2017

Война – страшное явление в жизни каждого народа. Она несёт холод, голод, страдания, смерть. Война чудовищна тем, что её следы надолго, навсегда остаются в памяти людей. Так и живут с болью в сердце, с жуткими воспоминаниями те, кто пережил ужас бомбёжек, кто видел, как на глазах убивали родных и близких, кто рад был чёрствой корке хлеба...

Проходят годы. С каждым днём всё меньше и меньше становится ветеранов, тех, кто прошёл войну, кто был свидетелем кровавых событий и мог бы правдиво рассказать о ней.

Выросло новое поколение белорусов, которое знает о войне по кадрам кинофильмов, произведениям художественной литературы, по воспоминаниям ветеранов и очевидцев. Общение с живыми свидетелями военных событий помогает учащимся осознать наше прошлое, пробуждает в них патриотические чувства. Воспоминания не дают забыть трагические события, и долг очевидцев – передать молодёжи правду о последней войне.

***Рынкевич Мария
Семёновна***

Год рождения: 1921

Место рождения: д.
Хомичи, Кировский район,
Могилёвская область
(сегодня это город
Кировск)

Место жительства: с
1946 года проживает в
городе Вилейка

***Отличник народного
просвещения, заслуженный
учитель БССР, учитель-
методист, преподавала
химию в ГУО «Средняя
школа №3»***

Великая Отечественная война! Хоть и прошло более 70-ти лет после её окончания, но чёрная её тень сохранится в памяти до смерти.

22 июня 1941 года. Я студентка Гомельского педагогического института имени Чкалова. Третий курс, конец летней сессии. Где-то в предрассветное утро проснулись в общежитии от грохота зениток, взрывов. Немцы в первую военную ночь бомбили Гомель. Конечно, проснувшись от грохота, мы не могли и подумать, что началась война. Свет отключён, в коридоре топот. Выбегаем и слышим: «Все за мной – в убежище». В убежище мы узнаём, что началась война! Сводки по радио скудные, неопределённые. Экзаменационная сессия прекращается. Под руководством преподавателей собираем и покупаем для эвакуации учебное оборудование. Институт и общежитие готовят под госпиталь.

Местным студентам «хорошо», они дома, у них родители, кров, питание. А мы иногородние никому не нужными оказались. С подружкой-землячкой пошли на вокзал, узнали, что на Бобруйск (а это 20 километров от нашего родного Кировска) сегодня отправится последний поезд. И вот мы в поезде Гомель – Бобруйск. Люди взволнованные, говорят только шёпотом. Кто-то сказал, что в Бобруйске пахнет порохом. Другие набросились: «Провокация, немцы задержаны на границе». В Жлобине поезд остановился, объявлено: «Дальше поезд не пойдёт». Мы с подружкой и ещё несколько человек с небольшими «котомками» по шпалам направились в сторону Бобруйска. Когда подошли к городу, ужаснулись: он был весь в дыму, один из мостов через Березину был уже взорван. Недалеко от реки наши солдаты, окопавшись, спрашивают у нас: «Девушки, что где слышно»? Это было страшное зрелище.

Мы верили в непобедимость Красной Армии, в нашу военную мощь. Пришли в Титовку (пригород Бобруйска). Сотни людей с вещами, детскими колясками на лошадиных упряжках и пешком движутся по шоссе Бобруйск – Могилёв (это и наша дорога на Кировск). И тут же появилась немецкая авиация и начала поливать свинцовым огнём толпу. Крики, стоны, проклятия. Много было убито и ранено. Отчаяние, паника - смерть рядом. Мы стараемся держаться. Где-то километров через 5 – 7 нас начали обгонять машины с немецкими солдатами, затем танки. Немцы ехали самодовольные, весёлые, что-то орали. Они уже чувствовали себя победителями. Очень обидно было за нашу армию.

И вот я дома, старшая замужняя сестра также вернулась домой с трёхлетней дочкой, муж ушёл на фронт. Мой младший брат 1923 года рождения тоже на фронте. Он учился в лётном училище. Где-то за два дня до войны в Гомеле я получила от него письмо. Он так восторженно описывал первые самостоятельные полёты. Страшно и горько было смотреть, как горели под огнём немецких истребителей наши самолёты-бомбардировщики. Видя горящий самолёт, сердце обливалось кровью, думалось о родном братике. Через неделю после освобождения от оккупации Бобруйска мы

получили страшную весть: наш Ванечка погиб. Позже мы получили письмо от друга Вани, он рассказал о его гибели, писал, что «не раз фашистские мерзавцы испытали силу и точность бомбовых ударов Ивана, который, сбрасывая смертоносный груз со своей краснозвёздной птицы на головы фашистам, говорил: «Это вам за родных, это вам за Белоруссию!» Долгое время мы искали захоронение нашего Ванечки. И только в 1970 году через следопытов-школьников мне удалось найти братскую могилу, где был похоронен брат.

Три года оккупации. Какими долгими они были. Частыми были облавы на молодёжь для угона в Германию. Всё время надо было прятаться. Спасали «хитрости» отца: он настроил тайных укрытий. Один раз попалась, но каким-то чудом удалось бежать. Было голодно, постоянно хотелось есть. Жили с приусадебного участка. В начале войны была корова, наша кормилица, потом её угнали немцы. Отец держал связь с партизанами, мы помогали им, чем могли: одеждой, солью, делились последним куском хлеба. Однажды в нашем сарае прятался военнопленный, которому удалось бежать. По посёлку ходил патруль, искал беглеца. Мама кормила гостя и молилась, чтобы никто его не увидел, тогда бы фашисты расстреляли всю нашу семью. Окрепнув, через несколько дней он ушёл от нас.

В нашем Кировском районе была прекрасная деревня Борки. Её судьба такая, как судьба известной далеко за пределами Беларуси Хатыни, также деревни Борки в Вилейском районе и тысячи других деревень. На рассвете немцы окружили деревню, согнали жителей в одно помещение и сожгли всех заживо. Кто-то пытался убежать, но его догоняла смертельная пуля. Я своими глазами видела последствия этой «прогулки» эсесовцев по нашей родной Беларуси.

Если от немецкой «облавы» можно было укрыться в домашнем убежище, то от старосты деревни спрятаться было невозможно. Он хорошо знал жителей каждого дома. Ему немцы давали задания, и он их выполнял. Одно из них: собрать девушек и женщин для уборки ржи в сожжённых Борках, чтобы не достался урожай партизанам. Я попала в эту группу. Было нас человек тридцать. Тишина. Солнцепёк. Зрелая рожь. И рядом разлагающиеся трупы людей, закопченные чёрные трубы печей, стрелы колодцев. Немцы приказывают нам жать: «Арбайт! Русиш швайн» (их любимая фраза). Автоматы направлены в нашу сторону. Вечером под дулами автоматов мы возвращались домой. Было объявлено, что если будем плохо работать, расстреляют на месте. Так делали те, кто называл себя «освободителями». Потом мы узнали, что всё сжатое убрали ночью партизаны (после этого немцы уже выжигали посевы). Особенным зверством отличались фашисты в конце 1943 - начале 1944 гг. За любое подозрение – расстрел. Мы догадывались об их поражении.

За связь с партизанами были расстреляны жители крайних домов нашей деревни. Подогнали крытую машину и из четырёх домов взяли всех: стариков, женщин и даже маленьких детей. Отвезли в Кировск. После

допроса, вероятно, не добившись ничего, всех расстреляли. Всегда думалось: как могла цивилизованная немецкая нация превратиться в стадо диких и страшных зверей?

С каждым днём чувствовалось, что близится час освобождения. Как мы его ждали! И, наконец, дождались: пришли наши воины-освободители. Это были не робкие солдатики, которых я видела в начале войны на берегу Березины, а загорелые, закалённые в сражениях солдаты и офицеры. Какое было ликование! Люди выбегали с подворья, обнимали бойцов, смеялись и плакали от радости. Наступление было стремительное. Так закончилась самая черная полоса в моей жизни.

А какое же это было большое счастье – Победа! Она пришла к нам с яркой, неповторимой весной. Это было счастье со слезами радости и слезами печали на глазах. Но хотелось жить, работать во благо Родины. После пережитого военного лихолетья, чтобы я ни делала, никакая работа мне не казалась тяжёлой. А сегодня я хочу только одного: чтобы не было больше войны, чтобы не гибли люди, чтобы все были счастливы. Чтобы было светлое небо, светило ясное солнце, звучали радостью детские голоса, и процветала наша земля.

Заключение

Воспитание молодого поколения на боевых и трудовых традициях белорусского народа – одна из важнейших задач не только учебного заведения, но и семьи, всей общественности. Учитывая то, что нынешнее поколение молодёжи выросло после войны и не испытало всех тягот и лишений военного времени, работа по патриотическому воспитанию в нашем учебном заведении строится так, чтобы юноши и девушки поняли и прочувствовали, что значит Победа и какой ценой она была завоевана. Знакомясь с историческим прошлым своего народа, слушая «живые» голоса истории, ребята учатся любить и беречь свою страну, осознают значимость созидательного труда в мирное время, строже оценивают свои поступки, учатся доводить до конца любое начатое дело.

*Иван (1923 г.р.)
Погиб 11 июля 1943 года*

Братская могила в Тихвенском районе Ленинградской области, где захоронен Иван

Письмо Барантюкова Алексея Никитовича (друга Вани)
к нашему отцу

Здравствуйте много
Дорогой Семей Мотвеевич,
сторонами этого писемца
пильшей радостью, как друг
родины — полного освобождения
или аннуляции.

Во-вторых я хочу сообщить
вам отцу Вашего Мотвеевича,
так и друг нас боевой
Мотвеевич 1948 года
Дорогой Семей Мотвеевич,
любимый друг вас чуждыми
мерзавцами за вас; напорившись
оккупацией — за родину.

Иван Семеевич был смелым, Kapoorным и непре-
менно движущим в бой воином. И не раз разрывали
мерзавцы попытками смелости и подвигов
удерживать Ивана Семеевича, который собираясь
смертоносный груз своей краснозвездной кепки
на голову франков — говорили: это вам за
родины, это вам за Белоруссию.

С Иваном Семеевичем я не был вместе почти два
года — до его смерти. И мне никогда в жизни
не забудется эта белая, мужская, радостная,
смелая, лучший боевой друг, который шагал
над франковскими танками — кричал по телефону.
Колчанки подвезли сюда, Аким подвезли жару.
Да, это был лучший гвардеец.

С нами нам приходилось быть вraga и и много,
и там, и там где сражались бойцы Иван Семее-
вич, там всегда: смерть и пожары, — это горды
машин, вагоны, танки — противника.

Но трудная смерть вернула из наших рядов
шело боевого друга и героя, Ивана Семеевича
и это случилось тогда, когда Иван Семеевич
пелетель в другом легком выполнении
приказ.

Находясь Иван Семеевич в деревне Сароуса
Тюшевского р-на Ленинградной обл.

Здравствуйте Семей Мотвеевич!
разрешите первыми
поздравить вас в нашу
Вас, так и всей нашей
Белорусии от немцу-

Иван Семеевич, Мотвеевич, Мотвеевич
друзей его — о победившей
Ивана Семеевича Каранкевич
Семеевич, не забывайте
отой, Вашего любимого
Семей Мотвеевич как мужской
Семей Мотвеевич

Похороны со всеми
на похороны пришли
дер. Сароуца и два до
Там до самого оти
за могилкой отца до
грудью. Все нечестно
но все востану востану

погостуши
стбовали все жител
всех полка стобуши
та. аас, я ухаживаю
авою, незаметно
о чиста стбуши, моги
верши дна ли дер.

Сароуца

Над могилкой мы
метили шерзавуе
погостуши. Это слово
не смерти две сына
ной стной наоси
погостуши. Я и наоси
донки там. Слова
писат что писало и
возвращениу донко,
де Ивану Семеновна
оши. Я и наоси

вардэйуе: - погостуши
до пошого не ужи
мы сдержали. Но по
мы сдержали. Но по

Роте морщины и похороны Ивана Семенов
вича. Я вначале Монушовой Варваре
Васильевне. (З. Тула Советская 32.)

Зде после первого расшиу Ивана Семеновна
Отдыхали уелки меду и Варвара Васильевна
заменила ему мать. Я наказан ей: после
свободену вас выслать и описать все
о Вайе. Удб свою свободу я тогда не знаю
Но пока я дожи до этого когда Ивану своим
раная Високуе освобождена пошостуши (Я
поше Велатуе. Заменила ей.) Ну пока
всего хорошего дорогой смел и об-всех
вам и Вайе самое горе и счастья
жизни в семействе. Я о Вайе очень не грустит
без отца. без жерв не обивает. Верная память
ему мать стна сподобила за него мы отомстим.
Удб стбу, стбу и вам после войны, расскажу
подробнее. Прощайте, пожалуйста вы фото
Морщины, но риз вас будет память.
Мой адрес. пошева поста 10213 А" Врантокову
Алексей Николаевич